

МЭТТ ХЕЙГ

ТРУДНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Эта оригинальная, умная и смешная книга —
напоминание о необходимости ценить
все проявления нашей земной жизни.

The Times

Мэтт Хейг

Трудно быть человеком

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53381343*

*Трудно быть человеком: Синдбад; Москва; 2018
ISBN 978-5-00131-030-3*

Аннотация

Дождливый пятничным вечером профессор Кембриджского университета Эндрю Мартин находит решение самой сложной в мире математической задачи. Оно способно изменить весь ход человеческой истории. Но профессор Мартин внезапно и бесследно исчезает.

Когда спустя некоторое время его обнаруживают... шагающим по шоссе без какого-либо предмета одежды на теле, профессор Мартин ведет себя немного странно. Жене и сыну он кажется каким-то другим. Самому ему абсолютно все вокруг представляется нелепым, люди достойными жалости, человеческая жизнь лишенной смысла. Все окружающие вызывают у него отвращение. Все, кроме Ньютона. Старого полуслепого пса.

Смогут ли Дебюсси, Дэвид Боуи, Уолт Уитмен и Эмили Дикинсон удержать Эндрю Мартина от убийства, к которому его принуждают? Есть ли что-либо, сочетающееся с бокалом белого вина лучше, чем бутерброд с арахисовой пастой? И что за

странное чувство охватывает его, когда он смотрит в глаза своей жене?

Эта остроумная, смешная и грустная одновременно книга о том, как трудно быть человеком. И как это потрясающе здорово!

Впервые на русском языке книга вышла в 2014 году под названием «Люди и Я».

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Человек, которым я не стал	9
Существительные вне контекста и другие испытания для начинающего изучать язык «Тексако»	13
Корпус Кристи	21
Человеческая одежда	28
Вопросы	39
Кофе	42
Сумасшедшие	46
Кубический корень из 912 673	49
Мертвые коровы	50
Мир как воля и представление	56
Амнезия	58
Кэмпиион-роу, 4	65
Программа «Война и деньги»	69
Незнакомец	72
Начало действий	77
Простые числа	81
Момент смертельного ужаса	86
Распределение простых чисел	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91
	93

Мэтт Хейг

Трудно быть человеком

Посвящается Андреа, Лукасу и Перл

*У меня только что родилась новая теория
вечности.*

Альберт Эйнштейн

Matt Haig
The Humans

* * *

The Humans – Copyright © Matt Haig, 2013

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2014,
2018

© Издание на русском языке, перевод на русский язык,
оформление. Издательство «Синдбад», 2014, 2018

Предисловие

(алогичная надежда перед лицом беспощадного рока)

Я знаю, что некоторые из вас, читающих эти строки, убеждены, будто никаких людей нет, но я утверждаю, что они есть на самом деле. Для тех, кто не в курсе: человек, сам себя называющий *Homo sapiens*, – это реально существующая двуногая форма жизни со средним уровнем интеллекта, ведущая изрядно затуманенное самообманом существование на небольшой, покрытой водой планете в довольно пустынном уголке Вселенной.

Остальным (и тем, кто послал меня сюда) скажу, что во многих отношениях пресловутые сапиенсы целиком и полностью подтверждают ваши самые причудливые о них представления. На первый взгляд их внешность вам безусловно покажется омерзительной.

Одни только лица – средоточие всевозможных жутких странностей. Выпуклый нос посередине, тонкокожие губы, примитивные наружные органы слуха, называемые ушами, крошечные глаза и совершенно бесполезные брови. Чтобы осмыслить и принять все это, требуется немало времени.

Поведение и обычаи людей также поначалу кажутся нелепыми и непонятными. Говорят эти существа совсем не о том,

что их действительно волнует, и я мог бы написать девяносто семь томов о тамошних понятиях «стеснительности» и «дресс-кода», но это ни на шаг не приблизит вас к пониманию людей.

Да, и не будем забывать об их «способах достижения счастья», на самом деле приносящих несчастье. Это бесконечный список. Он включает: хождение по магазинам, просмотр передач по телевизору, поиск работы получше и дома побольше, сочинение полуавтобиографических романов, возню с детьми, придание своей коже чуть более молодого вида и смутную веру в то, что во всем этом есть смысл.

Что было бы смешно, если бы не было так грустно. Но, находясь на Земле, я открыл для себя человеческую поэзию. Их поэтесса, одна из самых лучших (по имени Эмили Дикинсон), написала: «Возможность – идеальный дом»¹. Предлагаю вам побаловать себя и последовать ее примеру. Давайте уберем все заслоны на пути нашей мысли: то, что вам предстоит прочесть, требует отказа от предвзятости ради понимания.

И давайте подумаем вот о чем: может, в человеческой жизни все-таки *есть* смысл? И что если – уж извините – жизни на Земле стоит не только опасаться и посмеиваться над ней? Может, ее и правда есть смысл беречь?

Некоторые из вас, наверное, уже знают, *что* я сделал, но никто не понимает *зачем*. Данный документ, или руковод-

¹ Перевод А. Гаврилова.

ство, или отчет – называйте, как вам угодно, – все объяснит. Прошу вас, прочтите эту книгу беспристрастно, а потом решайте сами, какова истинная ценность человеческой жизни. Да будет мир.

Часть первая

В кулак я волю собрала²

Человек, которым я не стал

Итак, что это перед вами?

Готовы?

Хорошо. Дышите глубже! Объясняю.

Эта книга, вот эта самая книга написана здесь, на Земле. Она о смысле жизни и его отсутствии. О том, каково убивать и каково спасать. О любви, о мертвых поэтах и об арахисовой пасте из цельного ореха. О материи и антиматерии, обо всем и ни о чем, о надежде и о ненависти. О женщине-историке по имени Изабель (сорок один год), ее сыне по имени Гулливер (пятнадцать лет) и гениальнейшем математике в мире. Одним словом, это книга о том, как становятся человеком.

Но для начала констатирую факт: сам я человеком не являюсь. В ту первую ночь, на холодном ветру и во мраке я вообще не имел с данными существами ничего общего. До того как на заправке мне попался на глаза «Космополитен», я даже не видел человеческой письменности. Допускаю, что и для вас эти строки могут оказаться первым знакомством с

² Из стихотворения Э. Дикинсон. Пер. Смарника. (Здесь и далее – прим. ред.)

ней. Чтобы дать вам представление о том, как люди обрабатывают информацию, я создал эту книгу на земной манер. Я употребляю здесь человеческие слова, напечатанные человеческим шрифтом в типичной для речи людей последовательности. Учитывая вашу способность почти мгновенно переводить даже самые экзотические и древние лингвистические формы, полагаю, что вы без труда все поймете.

Подчеркиваю еще раз: изначально я не был профессором Эндрю Мартином. Я был таким же, как вы.

А «Эндрю Мартин» – это лишь моя роль. Легенда. Мне следовало притвориться им, чтобы исполнить миссию. Отправной точкой миссии стало похищение и смерть профессора. (Понимаю, это наводит на мрачные мысли, поэтому не стану больше упоминать о смерти, по крайней мере на этой странице.)

Главное: сорокатрехлетний математик, муж и отец, который преподавал в Кембриджском университете и последние восемь лет жизни посвятил решению математической задачи, до тех пор считавшейся неразрешимой, – это был не я.

До путешествия на Землю у меня не было каштановых волос, которые сами ложатся на косой пробор. Я не имел своего мнения ни о «Планетах» Холста³, ни о втором альбоме *Talking Heads* и вообще не имел никаких представлений о

³ Симфоническая сюита британского композитора Густава Холста, состоящая из семи частей, согласно количеству планет, известных на момент ее создания (1914–1916).

музыке. По крайней мере, не мог их иметь. Как я мог считать, что австралийское вино по определению хуже того, которое производят в других регионах планеты, если в жизни не пил ничего, кроме жидкого азота?

Являясь представителем постматримониального вида, я, разумеется, не мог ни ранить равнодушием жену, ни приударять за одной из своих студенток, ни выгуливать английского спрингер-спаниеля – одного из мохнатых домашних божков, именуемых собаками, – чтобы под этим предлогом улизнуть из дома. Книг по математике я тоже не писал и не настаивал, чтобы издатели брали фотографию автора, на которой автору лет на пятнадцать меньше.

Нет, этим человеком я не был.

Он не вызывал у меня ни малейшей симпатии. И тем не менее он был реален, как вы и я, – настоящее млекопитающее, с диплоидным набором хромосом, эукариот и примат, который до полуночи сидел за письменным столом, тарасился в экран компьютера и пил черный кофе (о кофе и моих с ним злоключениях я расскажу чуть позже). Организм, который мог вскочить, а мог и не вскочить со стула, когда свершилось открытие и его мысль достигла пределов, до каких ни одна другая человеческая мысль прежде не добиралась, – пределов познания.

А вскоре после прорыва его забрали кураторы. Мое начальство. Я даже встретился с ним – буквально на секундожку – для считывания, впрочем, далеко не полного: только фи-

зического, не ментального. Понимаете, можно клонировать человеческий мозг, но не то, что в нем хранится. Ну разве что частично. Так что многому пришлось учиться самостоятельно. Я прибыл на планету Земля сорокатрехлетним новорожденным. Позднее я жалел, что не познакомился с профессором Мартином *как положено*: такое знакомство мне бы очень помогло. Прежде всего он мог бы рассказать мне о Мэгги. (Ах, если бы он рассказал мне о Мэгги!)

Однако что бы там я ни узнал, это никак не отменяло моего задания: остановить прогресс. Уничтожить свидетельства прорыва, который совершил профессор Эндрю Мартин. Свидетельства, оставшиеся не только в компьютерной системе, но и в памяти живых людей.

Так с чего же начать?

Тут, пожалуй, без вариантов. Все началось с того, что меня сбила машина.

Существительные вне контекста и другие испытания для начинающего изучать язык

Начнем с того момента, как меня сбила машина.

Выбирать-то не из чего. Потому что до этого довольно долго не было ничего. Ничего, ничего, ничего и...

Вдруг что-то.

Я, стоящий на дороге.

Как только я там оказался, у меня сработало несколько непосредственных реакций. Во-первых, что с погодой? Я не привык к погоде, о которой следует думать. Но это была Англия, такое место на Земле, где думать о погоде – главное занятие человека. И тому есть причины. Во-вторых, где компьютер? Здесь должен быть компьютер. Впрочем, я толком не знал, как выглядит компьютер профессора Мартина. Может, он и есть дорога. В-третьих, что это за шум? Нечто вроде приглушенного рева. И, в-четвертых, стояла ночь. Прежде, будучи домоседом, я практически не знал ночи. И даже если бы знал, то была не просто ночь. Такой ночи я никогда прежде не видел. То была ночь, помноженная на ночь и еще раз помноженная на ночь. Ночь в кубе. Абсолютно темное небо, без луны и звезд. Где солнца? Есть ли они здесь вообще? Судя по холоду, тут могло вообще ни одного не быть.

Холод оказался первым шоком. От него болели легкие, резкий ветер, хлеставший по коже, вызывал дрожь. Интересно, люди когда-нибудь выходят из своих жилищ? Если да, то они сумасшедшие.

Первое время дышать было трудно. И это беспокоило. В конце концов, легочное дыхание, вдох-выдох – один из важнейших признаков, отличающих человека. Но в итоге я приловчился.

И тут новый шок. Я не там, где нужно, уверенность крепла с каждой секундой. Меня отправляли в точку, где находился он. В кабинет. Но это был не кабинет, я сразу понял. Разве только его кабинет вмещает в себя все небо вместе со скоплением темных туч и отсутствующей луной.

К сожалению, я слишком поздно разобрался в ситуации. В то время я не знал, что такое дорога, но теперь могу объяснить вам, что дорога соединяет пункт отправления с пунктом прибытия. Это важно. Дело в том, что на Земле нельзя мгновенно переместиться из одного места в другое. Техника до такого еще и близко не дошла. На Земле нужно тратить много времени, чтобы передвигаться между точками, хоть по дорогам и рельсовым путям, хоть в карьере и взаимоотношениях.

Та конкретная дорога была автомагистралью. Автомагистраль – самый прогрессивный тип дорог, что по существу означает (как и для большинства направлений человеческого прогресса) заметный рост смертельных случаев. Я сто-

ял на покрытие, называемом гудрон, голыми ступнями ощущая его странную и грубую текстуру. Я взглянул на свою левую руку. Какая примитивная, смехотворная штука! Но смех пропал, стоило мне осознать, что нелепая клешня с пальцами – часть меня. Я стал чужим сам себе. А приглушенный рев никуда не делся, разве что исчезла его приглушенность.

Только тут я заметил объект, несущийся на меня со значительной скоростью.

Огни.

Яркие, круглые и низко посаженные, они походили на глаза равнинного ползуна, только быстро несущегося, с блестящей серебристой спиной, а теперь еще и визжащего. Он попытался замедлить ход, вильнуть в сторону.

У меня не осталось времени уступить дорогу. Прежде оно было, но теперь истекло. Я слишком долго ждал.

Итак, огни врезались в меня с огромной, беспощадной силой. С силой, которая оторвала меня от земли и понесла по воздуху. Только это был ненастоящий полет, люди не умеют летать, как бы ни размахивали конечностями. Единственной реальной функцией была боль, которую я испытывал, пока не приземлился, после чего настало ничто.

Ничто, ничто, а потом...

Что-то.

Надо мной наклонился человек в одежде. Его лицо было слишком близко. Мне стало противно.

Нет. Следует уточнить.

Я испытал отвращение, ужас. Никогда я не видел ничего подобного. Это странное, ни на что не похожее лицо покрывали невообразимые отверстия и выступы. Особенное омерзение внушал нос. Словно какое-то другое существо проклевывалось наружу. Я опустил взгляд ниже. Одежда. На человеке была, как я узнал впоследствии, рубашка с галстуком, брюки и ботинки. Обычная одежда, которую все там носят, но в тот момент она показалась мне столь дикой, что я не знал, смеяться или плакать. Он осматривал полученные мной повреждения. Точнее, высматривал их.

Я проверил левую руку. Та осталась невредима. Машина столкнулась с ногами, потом с туловищем, но рука уцелела.

– Это чудо, – тихо произнес человек, как будто сообщал мне тайну.

Но слова оставались бессмысленными.

Глядя мне в лицо, он повысил голос, чтобы перекрыть шум машин.

– Что вы здесь делаете?

И опять ноль информации. Я просто видел рот, который двигался и издавал звуки.

Язык, понял я, несложный, но, чтобы вникнуть в его грамматическое устройство, мне требовалось услышать хотя бы сотню слов. Не судите строго. Я знаю, некоторым хватило бы десятка или даже одного придаточного предложения. Но я никогда не был силен в языках. Видимо, потому и не люблю путешествовать. И считаю необходимым повторить: я не хо-

тел, чтобы меня сюда посылали. Это была работа, которую кто-то должен был выполнить, и – после моего крамольного выступления в Музее квадратных уравнений, моего так называемого преступления против математической чистоты – узловые сочли ее достойным наказанием. Они понимали, что никто в здравом уме за такую работу не возьмется, а поскольку я (как и вы) принадлежу к самой высокоразвитой расе в известной нам части Вселенной, то справлюсь даже со столь сложной задачей.

– Я вас где-то видел. Ваше лицо мне знакомо. Кто вы?

Я чувствовал усталость. Проблемы телепортации, смена состояний вещества, биоперегрузка – чувствуешь себя разобранном на части. И хотя потом снова пересоберешься, всякий раз тратишь уйму энергии.

Я провалился в темноту и наслаждался снами в пурпурно-лиловых тонах родного дома. Мне снились треснутые яйца, простые числа и постоянно меняющийся горизонт.

А потом я проснулся.

Я находился внутри неизвестного транспортного средства и был пристегнут к примитивному оборудованию, считывающему показатели сердца. Рядом находились два человека, самец и самка в зеленой одежде (уродливый облик самки подтвердил мои худшие опасения: в этом смысле уродства половой диморфизм у данного вида практически отсутствует). Они о чем-то меня спрашивали, причем крайне возбужденно. Быть может потому, что я с помощью своих новых

верхних конечностей не преминул сорвать с себя их незатейливое электрокардиографическое оборудование. Люди в зеленом хотели удержать меня, но, очевидно, весьма смутно представляли себе математику происходящего, и потому я сравнительно легко уложил их на пол, заставив корчиться от боли.

Я поднялся на ноги, отметив, какая сильная гравитация на этой планете, и тут водитель повернулся ко мне с еще более взволнованным вопросом. Транспортное средство двигалось быстро, и пульсирующие звуковые волны сирены, безусловно, мешали сосредоточиться, но я открыл дверь и прыгнул навстречу мягкой растительности, росшей по краю дороги. Мое тело покатилося вниз. Я затаился. А потом, дождавшись момента, встал на ноги. Кстати, по сравнению с человеческой рукой нога практически не вызывала отвращения, за исключением пальцев на ней.

Я простоял так некоторое время, глядя на эти странные машины, не способные оторваться от почвы и, по-видимому, зависящие от ископаемого топлива. Каждая из них издавала больше шума, чем требуется для питания полигонального генератора. Но еще причудливее выглядели люди внутри них – покрытые одеждой, вцепившиеся в круглые приборы управления или в экстрабиологические телекоммуникационные устройства.

Меня занесло на планету, где наиболее разумная форма жизни до сих пор вынуждена сама водить машину...

Никогда прежде я так не ценил привычных нам всем простых вещей. Вечный свет. Ровное, парящее движение машин. Развитая растительная жизнь. Дезодорированный воздух. Отсутствие погоды. О любезные читатели, вы просто не представляете!...

Проезжая мимо, машины издавали высокочастотные гудки. Из окон смотрели лица с округленными глазами и раскрытыми ртами. Я ничего не понимал, ведь я выглядел так же безобразно, как любой из них. Что со мной не так? Чем я выделяюсь? Возможно, тем, что не сижу в машине? Может, люди так и живут, взаперти? А может, оттого, что я был без одежды. Ночь стояла холодная, но не могло же все сводиться к такому тривиальному фактору, как отсутствие на теле искусственного покроя? Нет, причина не могла быть столь примитивна.

Я поднял глаза к небу.

Теперь на нем просматривалась луна, подернутая облаками. Казалось, она глазееет на меня с таким же изумлением. Но звезды были по-прежнему скрыты. Мне хотелось увидеть их. Ощутить их спокойствие.

В довершение всего перспектива дождя представлялась очень вероятной. А я терпеть не могу дождь. Для меня, как и для большинства из вас, живущих под куполом, нет ничего страшнее. Нужно было найти то, что я искал, до того, как небеса разверзнутся.

Впереди виднелся прямоугольный алюминиевый щиток с

каким-то значком. Для изучающего язык всегда трудно понять существительные вне контекста, но стрелка указывала вперед, куда я и двинулся.

Люди опускали окна и что-то кричали мне, заглушая рев двигателей. Иногда они были добродушны, судя по тому, что плевали оральной жидкостью в мою сторону, на манер орми-нурков. Я дружелюбно отплевывался в ответ, стараясь попадать в их быстро движущиеся лица. После этого они кричали еще громче, но я старался не обращать внимания.

Скоро, говорил я себе, артикулируемое с таким напором приветствие «Вали с дороги, долбаный извращенец» станет мне понятным. Тем временем я продолжал идти и, миновав знак, увидел у дороги освещенное, но подозрительно неподвижное здание.

Пойду туда, сказал себе я. Пойду и найду ответы на вопросы.

«Тексако»

Здание называлось «Тексако». Застывшее в ужасающей неподвижности, оно светилось в ночи, словно ждало, что его оживят.

Приблизившись, я понял, что это местная заправочная станция. Машины стояли под горизонтальным навесом возле простых с виду систем подачи топлива. Ясно: машины абсолютно ничего не делают сами. Мозг у них практически не работает, а то и вообще отсутствует.

Люди, заправлявшие машины, так и глазели на меня. Стараясь вести себя максимально вежливо в условиях острой нехватки вербальной составляющей, я выплевывал в их сторону щедрые порции слюны.

Я вошел в здание. За стойкой находился одетый человек. Волосы его, вместо того чтобы расти на черепе, покрывали нижнюю часть лица. Его тело больше, чем у других, походило на сферу, а потому его с натяжкой можно было назвать симпатичным. Запах капроновой кислоты и андростерона подсказывал, что личная гигиена не входит в число его приоритетов. Он уставился на мои (и вправду удручающие) гениталии, а потом нажал что-то за стойкой. Я плюнул, но мое приветствие осталось без ответа. Возможно, насчет плеванья я ошибся.

Из-за всех этих плевков хотелось пить, поэтому я подо-

шел к гудящему охладительному блоку, набитому ярко раскрашенными цилиндрическими предметами. Я взял один из них и открыл. Это была жестяная банка с жидкостью под названием «Диетическая кола». На вкус приторно-сладкая, с привкусом фосфорной кислоты. Гадость. Жидкость брызнула у меня изо рта почти в ту же секунду, как в него попала. Потом я взял что-то другое. Еду в искусственной упаковке. Позже я понял, что на этой планете все во что-то завернуто. Пища в упаковке. Тела в одежде. Презрение в улыбке. Все спрятано. Еда называлась «Марс». Она чуть глубже продвинулась по горлу, но пробыла там ровно до тех пор, пока не сработал рвотный рефлекс. Я закрыл дверцу и увидел емкость со словами «Принглз» и «Барбекю». Я открыл упаковку и принялся есть. Вкус оказался нормальным – что-то похожее на сорповый пирог, – и я стал запихивать в рот как можно больше этих «Принглз». Интересно, когда я последний раз ел сам, без посторонней помощи? Я действительно не мог вспомнить. Разве что во младенчестве.

– Нельзя так делать. Нельзя просто брать и есть. Сначала заплати.

Человек за стойкой обращался ко мне. Я по-прежнему слабо понимал речь, но по громкости и частоте звука чувствовал, что он недоволен. К тому же кожа на его лице изменила цвет.

У меня над головой замигал свет, и я моргнул.

Затем прикрыл рот ладонью и издал голосовой звук.

Немного отвел руку и издал тот же звук, отмечая разницу.

Приятно убедиться, что даже в столь отдаленном уголке Вселенной законы света и звука не теряют силы, хотя следует признать, что здесь они работают с меньшим совершенством.

Передо мной находились полки с многочисленными объектами, называемыми, как я вскоре выяснил, журналами. Буквально на всех красовались лица с почти идентичными улыбками. Двадцать шесть носов. Пятьдесят два глаза. Жуткое зрелище.

Я потянулся за журналом, а человек – за телефоном.

На Земле медиа застряли в докапсульной эпохе, и большинство из них следует читать посредством электронного устройства или же вообще на носителе печати, произведенном из тонкого, химически размягченного производного третьей ступени, называемого бумагой. Журналы очень популярны, несмотря на то что от их чтения еще ни одному человеку не становилось лучше. Судите сами: их главная цель заключается в том, чтобы порождать в читателе чувство неполноценности, которое соответственно приводит к потребности что-то купить. Люди так и поступают, но чувствуют себя еще хуже и бегут за следующим журналом, чтобы узнать, что им покупать дальше. Эта неудовлетворенность, возрастающая по спирали и называемая тут капитализмом, охватила довольно много людей. Издание, оказавшееся у меня в руках, называлось «Космополитен», и я понял, что с его

помощью хотя бы овладею языком.

Управился я довольно быстро. Письменные формы человеческих языков до нелепого просты, ибо почти полностью состоят из слов. По первой же статье я сделал полную интерполяцию данной письменности, заодно узнав о прикосновении, которое поднимает настроение и помогает в отношениях. И еще я понял: оргазм – крайне важная штука. Мне показалось, оргазм у людей является чем-то основополагающим. Возможно, в нем состоит единственный смысл существования на этой планете. С помощью оргазма ее обитатели, вероятно, обретают просветление, на несколько секунд высвобождаясь из крошечного мрака.

Но читать не означает говорить, а новое голосовое оборудование у меня в глотке и во рту по-прежнему ощущалось как застрявший кусок пищи.

Я поставил журнал обратно на полку. Рядом тянулась тонкая вертикальная полоска отражающего металла, которая позволила мне взглянуть на себя. У меня тоже оказался выпирающий нос. И губы. Волосы. Уши. Столько *наружного*. Ни дать ни взять лицо наизнанку. Плюс огромный желвак по центру шеи. Очень густые брови.

В голове всплыла вводная информация, полученная от кураторов. *Профессор Эндрю Мартин.*

Мое сердце забилось от внезапной паники: вот кто я теперь. Вот кем я стал. Чтобы успокоиться, я напомнил себе: это временно.

В нижнем ряду журнального стенда были газеты с фотографиями. На некоторых я снова увидел улыбающиеся лица, а на других – мертвые тела на фоне разрушенных строений. Рядом с газетами оказалось несколько географических карт, среди них – «Карта дорог Британских островов». Видимо, я на Британских островах. Я взял карту и попытался покинуть здание.

Человек за стойкой повесил трубку.

Дверь оказалась закрыта.

В голове всплыли очередные сведения: *колледж Фицуильям, Кембриджский университет.*

– Черта с два ты уйдешь, – сообщил человек, чьи слова я начинал понимать. – Полиция едет. Я заблокировал дверь.

Тут, к его изумлению, дверь передо мной открылась. Я вышел наружу и услышал вдалеке сирену. Прислушавшись, я понял, что источник звука находится всего в трехстах метрах от меня и быстро приближается. Я побежал, стремясь как можно скорее удалиться от дороги и подняться по травянистой насыпи к другой плоской поверхности.

По пути мне попадалось множество неподвижных грузовых машин, расставленных в геометрическом порядке.

Какой странный мир. Конечно, со стороны все миры кажутся странными, но этот, пожалуй, перещеголял остальные. Я пытался найти его сходство с другими мирами. Говорил себе, что здесь все тоже состоит из атомов и что эти атомы функционируют в точности так, как им положено. Двигаются

навстречу друг другу, если между ними есть расстояние. И отталкиваются друг от друга, если расстояния нет. Это базовый закон мироздания, и он применим ко всему, даже здесь. Что утешало. Приятно знать, что, в какой бы точке Вселенной ты ни находился, малые сущности остаются неизменными. Притяжение и отталкивание. Непохожесть видит лишь тот, кто смотрит недостаточно внимательно.

И все-таки в тот момент я не видел ничего, кроме этой непохожести.

Мигая синими огнями, у заправочной станции остановилась машина с сиреной, и я решил спрятаться за припаркованными грузовиками. Я ежился от холода, все мое тело дрожало, а тестикулы сморщились. (Позже я понял, что у самца человека наиболее привлекательная часть тела – как раз тестикулы, хотя сами люди их не жалуют и часто готовы смотреть куда угодно – даже на улыбающиеся лица, – лишь бы не на них.) Когда полицейская машина еще стояла у заправки, я услышал за спиной голос. Нет, это был не служитель закона, а водитель грузовика, за которым я прятался.

– Эй, ты что делаешь? Отвали от машины, урод!

Я побежал прочь, шлепая босыми ступнями по твердой земле, кое-где посыпанной гравием. Потом под ногами возникла трава, и я бежал через поле, придерживаясь того же направления, пока не показалась новая дорога. Она была гораздо уже, и машины по ней не ездили.

Я открыл карту, нашел линию, которая совпадала с кри-

вой этой второй дороги, и увидел слово «Кембридж».

Я направился туда.

Пока я шел и вдыхал богатый азотом воздух, у меня формировалось представление о себе. Профессор Эндрю Мартин. Вместе с именем приходили сведения, передаваемые через космос теми, кто меня послал.

Я женатый мужчина. Прожил сорок три года, ровно половину человеческого срока. У меня есть сын. Я профессор, который только что решил самую важную математическую головоломку из всех, с какими когда-либо сталкивалось человечество. Всего три часа назад я поднял уровень человеческой цивилизации до немыслимых высот.

От волнения меня подташнивало, но я продолжал идти в сторону Кембриджа, чтобы увидеть, чем еще удивят меня люди.

Корпус Кристи

Никто не поручал мне составлять отчет о жизни людей. Это не входило в инструкции. Тем не менее я чувствую себя обязанным прояснить некоторые особенности их нравов. Надеюсь, благодаря данному трактату вы поймете, почему я решился на поступок, о котором, вероятно, кто-то из вас уже слышал.

Как бы то ни было, я всегда знал, что Земля существует на самом деле. Еще бы не знать! В свое время я принял капсулу со знаменитым путеводителем «Воинствующие идиоты: как я провел время с людьми на Водной планете 7081». Я отдавал себе отчет в том, что Земля есть космическое тело, находящееся в отдаленной и тусклой солнечной системе, в которой происходит не так много событий и где свобода передвижения для местных обитателей строго ограничена. Кроме того, я слышал, что люди – это форма жизни, обладающая посредственным (в лучшем случае) интеллектом и склонная к насилию, глубокому разладу в отношениях между полами, дрянной поэзии и хождению по кругу.

Однако я начинал понимать, что адекватно подготовиться к визиту на Землю невозможно в принципе.

К утру я добрался до Кембриджа.

Место казалось каким-то жутким. Мои первые догадки по поводу строений подтвердились, и я с изумлением по-

нял, что заправка не составляет исключения. Все подобные структуры – возведенные для потребления, проживания и чего-либо еще – *статичны* и *жестко привязаны к земле*.

Конечно, это мой город. «Я» прожил здесь в общей сложности больше двадцати лет. И придется вести себя соответственно, хотя нигде и никогда я не чувствовал себя настолько чужим.

Отсутствие геометрического воображения удручало. Даже десятигранника, и того не было ни единого. Правда, я заметил, что некоторые здания крупнее и – относительно – наряднее других.

«Храмы оргазма», – решил я.

Уже открывались магазины. Вскоре я узнал, что в городах магазины повсюду. Для обитателей Земли они то же самое, что кабинки уравниваний для воннадориан.

В окне одного из магазинов я увидел много книг и вспомнил, что людям нужно *читать* книги. Да-да, садиться и последовательно смотреть на каждое слово. Это занимает много времени. Человек не может просто проглотить нужную книгу, не в состоянии жевать два тома одновременно или всосать в себя почти бесконечный массив информации за несколько секунд залпом. В отличие от нас люди не имеют возможности просто принять словесную капсулу. Представляете! Мало того что ты смертен, так еще приходится тратить часть драгоценного, очень ограниченного времени на чтение. Неудивительно, что люди – такой малоразвитый вид:

едва успев прочитать достаточное количество книг, чтобы относительно разумно распоряжаться информацией, особь умирает.

Понятно, что человеку нужно заранее знать, что перед ним за книга. История о любви. Или о преступлении. Или же о пришельцах.

В книжных магазинах людей занимают и другие вопросы. Читать ли данную книгу, чтобы почувствовать себя умным, или никому не рассказывать, что ты ее прочел, а то тебя таким считать перестанут? Смеются от нее или плачут? А может, она заставляет отворачиваться к окну и наблюдать, как по стеклу текут дождевые капли? Подлинная это история? Или выдуманная? Действует на мозг или на органы, расположенные ниже? Соберет вокруг себя фанатиков или сгорит на их костре? Посвящена эта книга математике или же – подобно всему остальному во Вселенной – является лишь *конкретной реализацией ее законов*?

Да, вопросов много. А книг еще больше. Несметное множество. Люди, что характерно, пишут гораздо больше, чем способны прочитать. Среди множества источников людского неудовольствия, таких как работа, любовь, секс, не сказанные вовремя слова, – есть и чтение.

Итак, человеку нужна достоверная информация о книге. Точно так же, как при поступлении на работу ему хорошо бы заранее знать, не сведет ли она его с ума к пятидесяти годам, так что он выпрыгнет из окна офиса. А жен-

щине хорошо бы понимать уже на первом свидании, слушая, как парень остроумно рассказывает шуточки о годе, проведенном в Камбодже, не решит ли он в один прекрасный день уйти к самке помоложе по имени Франческа, которая руководит собственной пиар-фирмой и говорит «кафкианский», хотя Кафку и в руки не брала.

Так вот, я зашел в магазин и принялся разглядывать книги на столах. Две работавшие там женщины засмеялись, показывая на середину моего тела. И снова я растерялся. Мужчинам не положено ходить по книжным магазинам? Между полками идет какая-то война насмешек? Продавцы книг только и делают, что потешаются над клиентами? Или они смеются, потому что на мне нет одежды? Кто знает? В любом случае, это немного отвлекало, тем более что прежде я слышал смех единственный раз – то было приглушенное шерстью хихиканье ипсоида. Я сосредоточился на книгах и решил просмотреть те, что стояли на полках.

Вскоре я понял: книги в магазинах группируют по первой букве фамилии автора, причем руководствуются алфавитной системой. Поскольку в здешнем алфавите минимум букв, пользоваться системой крайне просто, и я быстро нашел книги на «М». Одна из них называлась «Темные века», и написала ее Изабель Мартин. Я взял томик с полки. На нем была небольшая пометка «Местный автор». Магазин располагал единственной ее книгой, а вот произведений Эндрю Мартина оказалось куда больше. Так, в наличии име-

лось тринадцать экземпляров его книги «Квадратура круга», а также одиннадцать экземпляров другой работы под названием «Американский π -рог». В обоих трудах речь шла о математике.

Я взял по экземпляру каждой книги и увидел, что сзади на каждом написано «£8,99». Благодаря интерполяции языка, которую я провел при помощи «Космополитен», мне стало ясно, что это цена за штуку. Только денег у меня не было. Поэтому я подождал, пока все отвернутся (ждать пришлось долго), и очень быстро выбежал из магазина.

Поскольку наружные тестикулы плохо совмещаются с бегом без одежды, я постепенно перешел на шаг и начал читать.

Я выискивал в обеих книгах гипотезу Римана, но не нашел ничего, кроме нескольких упоминаний самого Бернхарда Римана, давно умершего немецкого математика.

Я выпустил книги из рук, и они упали на землю.

Люди все чаще останавливались и глазели на меня. Со всех сторон я видел предметы, в которых еще толком не разобрался: мусор, рекламные плакаты, велосипеды. Предметы, существующие только на Земле.

Я миновал крупного самца человека с волосатым лицом, одетого в длинное пальто. Асимметричная походка свидетельствовала о каком-то увечье.

Конечно, нам знакома краткая боль, но это, похоже, было нечто иное. И я вспомнил: здесь обитает смерть. Здесь

все ветшает, деградирует и умирает. Человеческую жизнь со всех сторон окружает мрак. Что позволяет им держаться?

Идиотизм, обусловленный замедленным чтением. Разве что он.

Впрочем, я бы не сказал, что тот человек хорошо держался. Его глаза были полны скорби и страдания.

– Господи Иисусе, – пробормотал он. Думаю, с кем-то меня перепутал. – Теперь я видел все.

От него пахло бактериальной инфекцией и другими омерзительными вещами, которых я не мог идентифицировать.

Я подумывал, не спросить ли у него дорогу, потому что карта передавала только два измерения и была немного нечеткой, но понял, что еще не готов. Одно дело – произнести слова, и совсем другое – набраться смелости и напавить их в лицо, которое находится так близко, в этот мясистый нос и печальные красные глаза. (Откуда я знал, что у того человека печальные глаза? Интересный вопрос, учитывая, что мы, воннадориане, по сути, никогда не бываем печальны. Отвечу так: сам не знаю. Во мне просто родилось это ощущение. Как некий призрак, быть может, призрак того человека, которым я стал. Я не получил всех его воспоминаний, но кое-что, наверное, во мне засело. Существует ли сочувствие на биологическом уровне? Знаю одно: зрелище чужой печали тревожило меня сильнее, чем зрелище боли. Печаль представлялась мне болезнью, возможно, она заразна.) Так что я прошел мимо того человека и впервые, сколь-

ко себя помню, попытался найти дорогу самостоятельно.

Да, я знал, что профессор Мартин работает в университете, но понятия не имел, как выглядят университеты. Я догадывался, что они не окажутся плакированными цирконием космическими станциями, парящими над верхней границей атмосферы, но больше ничего предположить не мог. Посмотреть на два разных строения и сказать: «О, это такой-то тип здания, а это такой-то» – нет, мне это было не под силу. Поэтому я все шел и шел вперед, игнорируя возгласы и смех и ощупывая каждый кирпичный или стеклянный фасад, который встречался мне на пути, как будто прикосновение могло рассказать больше взгляда.

А потом случилось страшное. (Крепитесь, воннадориане.)
Пошел дождь.

От него в коже и волосах возникло настолько мучительное ощущение, что надо было срочно куда-то прятаться. Чувствуя собственную незащищенность, я перешел на легкий бег, выискивая вход в какое-нибудь укрытие. Все равно какое. Впереди возникло громадное строение с большими воротами и вывеской. На вывеске было написано «Корпус Кристи. Колледж Тела Христова и Благословенной Девы Марии». Значение слова «дева» мне было досконально известно из «Космополитена», а вот с другими словами возникли проблемы. «Корпус» и «Кристи», похоже, немного выходили за рамки языка. «Корпус» как-то связан с телом. Возможно, «Корпус Кристи» означает тантрический оргазм всего тела.

Честно говоря, я понятия не имел. Были там и другие слова, помельче. И другая вывеска! Она гласила: «Кембриджский университет». При помощи левой руки я открыл ворота и, оказавшись внутри, на траве, зашагал к зданию, в котором еще горели огни.

Признаки жизни и тепла.

Трава оказалась мокрой. Отвратительная мягкая влага – я чуть не взвыл.

Она была аккуратно подстрижена, эта трава. Позже я узнал, что аккуратно подстриженный газон есть красноречивый символ, который должен вызывать смутное ощущение страха и почтения, особенно в сочетании (как в данном случае) с «величественной» архитектурой. Но в тот момент я был глух к символизму ухоженной травы и архитектурному величию и потому продолжал идти к главному зданию.

Где-то за спиной остановилась машина. И снова синие огни. Они вспыхнули и забегали по каменному фасаду «Корпус Кристи».

(Видишь на Земле мигание синих огней – жди неприятностей.)

Ко мне побежал человек. А за ним целая толпа. Откуда они взялись? Сбившиеся в кучу люди в странно-одинаковой одежде производили весьма зловещее впечатление. Конечно, они же были инопланетяне, это понятно. Труднее понять, почему они не признали меня за своего. В конце концов, я *выглядел* как они. Может быть, это очередная особенность

людей? Способность ополчаться против своих, изгонять из общества себе подобных? Если так, тем весомее моя миссия. Тогда я ее понимаю.

Так или иначе, но я стоял на мокрой траве, ко мне бежал человек, а за ним следовала толпа. Я мог бы убежать или дать бой, но людей было слишком много, и у некоторых имелось архаичного вида звукозаписывающее оборудование. Человек схватил меня.

– Следуйте за мной, сэр.

Я помнил о своей цели. Но пришлось повиноваться. На самом деле в тот момент мне больше всего хотелось укрыться от дождя.

– Я профессор Эндрю Мартин, – сказал я в полной уверенности, что знаю, как произносить эту фразу. И в следующий миг испытал на себе поистине ужасающую силу человеческого смеха. – У меня есть жена и сын, – продолжил я и назвал их имена. – Мне нужно их увидеть. Вы можете отвезти меня домой?

– Нет. Не сейчас. Мы не можем.

Человек цепко держал меня за руку. Больше всего мне хотелось, чтобы он разжал свои мерзкие пальцы. Мало того что один из людей коснулся меня – он еще и крепко вцепился! Однако я не пытался сопротивляться, когда меня повели к машине.

При выполнении миссии следовало привлекать к себе как можно меньше внимания. Не вышло.

Старайся быть нормальным.

Да.

Ты должен быть как они.

Знаю.

Не сбегай раньше срока.

Не сбегу. Но здесь я быть не хочу. Хочу домой.

Ты знаешь, что тебе нельзя домой. Еще рано.

Но у меня время вышло. Мне нужно попасть в кабинет профессора в его доме.

Ты прав. Нужно. Но в первую очередь необходимо сохранять спокойствие и делать что они говорят. Иди туда, куда они ведут. Делай то, что они от тебя хотят. Нельзя, чтобы они узнали, кто тебя послал. Не паникуй. Профессора Эндрю Мартина среди них уже нет. Есть ты. Всеми свое время. Они смертны, а потому нетерпеливы. Их жизнь коротка. Твоя – нет. Не уподобляйся им. Пользуйся своими способностями с умом.

Хорошо. Но я боюсь.

Имеешь полное право. Ты среди людей.

Человеческая одежда

Меня заставили одеться.

Если люди чего-то не знают об архитектуре и топливе на основе нерадиоактивного изотопа гелия, это с лихвой компенсируется их изощренностью в одежде. Они гении в этой сфере и знают все нюансы. А нюансов этих, поверьте, *тысячи*.

Одежда устроена так: есть нижний слой и верхний слой. Нижний слой состоит из трусов и носков, которые закрывают сильно пахнущие области гениталий, ягодиц и ступней. При желании можно также надевать майку, которая прикрывает чуть менее постыдную область грудной клетки. Эта область включает чувствительные кожные выросты, известные как соски. Для чего они, я понятия не имел, но отмечал приятные ощущения, когда осторожно проводил по ним пальцами.

Верхний слой одежды, по всей видимости, еще важнее нижнего. Он покрывает девяносто пять процентов тела, оставляя на виду только лицо, волосяной покров головы и ладони. Похоже, этот верхний слой является ключом к иерархии на планете. Например, на тех двух людях, которые увезли меня в машине с мигающими синими огнями, были идентичные верхние слои, состоявшие из черных ботинок поверх носков и черных брюк поверх трусов, а верх-

нюю часть тела у них закрывала белая «рубашка» и темный «джермпер» цвета открытого космоса. На джермпере, прямо над областью левого соска, имелаcь прямоугольная нашив-ка из чуть более тонкой ткани с надписью «ПОЛИЦИЯ Кем-бриджшира». Куртки на них были того же цвета и с такой же нашивкой, как джермперы. Я понял, что в такой одежде не пропадешь.

Однако вскоре я узнал, что означает слово «полиция». Оно означает полицию.

Уму непостижимо. Оказывается, я нарушил закон уже тем, что *не оделся*. Неужели люди не знают, как выглядят их обнаженные собратья? Я ведь вроде не сделал ничего дурного, пока был *без одежды*. По крайней мере, до сих пор.

Меня поместили в маленькую комнату, которая, подобно остальным человеческим помещениям, являла собой храм прямоугольника. Забавно, что хотя комната выглядела ничем не лучше и не хуже остальных частей полицейского участка (да и планеты в целом), полицейские как будто считали нахождение здесь, в «камере», своего рода наказанием. «Они заключены в тела, которые умирают, – посмеивался я про себя, – а боятся, как бы не оказаться запертыми в комнате!»

В камере мне велели одетаться. «Прикрыться». Я взял вещи и постарался с ними сладить. Когда я разобрался, какая ко-нечность продевается в какое отверстие, мне сказали подо-ждать час. Что я и сделал. Разумеется, я мог сбежать. Но я

понимал, что здесь, среди полицейских с их компьютерами, у меня больше шансов найти то, что я ищу. Плюс, я помнил, что мне говорили. *Пользуйся своими способностями с умом. Ты должен быть как они. Старайся быть нормальным.*

Потом дверь открылась.

Вопросы

Вошли два человека.

Два других человека. Одежда на них отличалась, а вот лица были почти одинаковые. И я говорю не только про глаза, носы и рты, но про общее выражение безнадежной тоски. В ярком освещении я испугался не на шутку. Люди отвели меня в другую комнату на допрос. Интересный нюанс: вопросы можно задавать только в определенных помещениях. Есть комнаты, чтобы сидеть и думать, и комнаты, чтобы допрашивать.

Люди сели.

У меня засосало под ложечкой. Такую разновидность беспокойства можно испытать только на Земле. Беспокойство от того, что существа, знающие, кто я, находятся очень далеко от меня. Дальше не бывает.

– Профессор Эндрю Мартин, – сказал один из людей, откидываясь на спинку стула. – Мы навели справки. Погуглили вас. Вы важная птица в академических кругах.

Человек выпятил нижнюю губу и повернул ко мне ладони. Он хотел, чтобы я ответил. Что они сделают, если я промолчу? На что они способны?

Я плохо представлял, каким образом люди гуглят друг друга, но во всяком случае на себе я ничего такого не ощутил. Что значит быть «важной птицей в академических кругах»?

гах», я тоже не понимал. Однако (с учетом формы комнаты) меня, признаться, порадовало, что люди знают, что такое круг.

Все еще побаиваясь говорить, я кивнул. Речь требовала слишком большой сосредоточенности и координации.

Тогда заговорил второй из людей. Я перевел взгляд на его лицо. Главное различие между этими двумя, вероятно, заключалось в полосках волос над глазами. У того, на которого я сейчас смотрел, брови были постоянно приподняты, из-за чего кожа на лбу морщилась.

– Мы вас внимательно слушаем.

Я думал долго и напряженно. Пришло время заговорить.

– Я самый умный человек на планете. Математический гений. Я внес большой вклад во многие отрасли математики, в частности в теорию групп, теорию чисел и геометрию. Меня зовут профессор Эндрю Мартин.

Переглянувшись, люди коротко фыркнули в нос.

– По-вашему, это смешно? – агрессивно спросил первый. – Нарушать общественный порядок? Это вас забавляет? Да?

– Нет. Я просто сообщил вам, кто я.

– Это мы установили, – сказал офицер, брови которого сидели низко, почти смыкаясь. – По крайней мере что касается имени. Нас интересует другое: зачем вы разгуливали без одежды в половине девятого утра?

– Я преподаю в Кембриджском университете. Я женат на

Изабель Мартин. У меня есть сын, Гулливер. Пожалуйста, я очень хочу их увидеть. Просто позвольте мне увидеться с ними.

Люди заглянули в свои бумаги.

– Да, – сказал первый. – Мы видим, что вы работаете в колледже Фицуильяма. Но это не объясняет, почему вы разгуливали голым по колледжу «Корпус Кристи». Вы либо съехали с катушек, либо представляете угрозу для общества, либо то и другое вместе.

– Мне не нравится носить одежду, – любезно и четко сформулировал я. – Она трет. Она давит на гениталии. – И тут, вспомнив, чему меня научил журнал «Космополитен», я наклонился к офицерам и привел довод, которым рассчитывал поставить в разговоре жирную точку: – Одежда может существенно снизить мои шансы получить тантрический оргазм всего тела.

Именно в этот момент они приняли решение отправить меня на психиатрическую экспертизу. Это означало перемещение в *очередную* прямоугольную комнату и знакомство с очередным человеком – обладателем очередного выдающегося носа. Следующий человек оказался женского пола. По имени Прити, что означает «красотка». Неудачное имя, учитывая, что она человек и по самой своей природе омерзительна.

– Итак, – проговорила она, – для начала я задам вам простой вопрос. Скажите, не испытывали ли вы в последнее вре-

мя какое-либо давление?

Я растерялся. О каком давлении она говорит? Об атмосферном? Или гравитационном?

– Да, – сказал я. – Постоянно. Повсюду есть какое-нибудь давление.

Похоже, я угадал с ответом.

Кофе

Она сказала, что поговорила с университетом. Уже одно это ставило в тупик. Как, интересно, такое возможно? Но потом она сообщила следующее:

– Мне сказали, что вы слишком много работали, даже по меркам ваших коллег. Похоже, они всем этим очень расстроены. Но главное, они переживают за вас. Как и ваша жена.

– Жена?

Я знал, что она у меня есть, и знал ее имя, но толком не понимал, что, собственно, значит иметь жену. Брак – поистине диковинная концепция. Пожалуй, на всей планете не хватит журналов, чтобы я ее понял. Психиатр объяснила. Я еще больше запутался. Брак – это «любовный союз», означающий, что два человека, которые любят друг друга, остаются вместе навсегда. Но, по-моему, это предполагает, что любовь – довольно слабый связующий фактор и его необходимо укреплять браком. Кроме того, союз можно разрывать с помощью так называемого развода, из чего следует – насколько я могу судить, – что с логической точки зрения смысла в браке нет. Скорее похоже на самообман.

– Хотите кофе?

– Да, – сказал я.

Кофе принесли, я попробовал его – горячее, дурно пахнущее кислотное двууглеродистое соединение в жидком со-

стоянии – и тут же выплюнул на психиатра. Серьезное нарушение человеческих правил этикета – по всей видимости, я должен был его *проглотить*.

– Какого...

Психиатр вскочила и принялась вытираться, выказывая острое беспокойство по поводу своей рубашки. Посыпались новые вопросы. Один другого глупее: какой у меня адрес? Чем я занимаюсь в свободное время, чтобы расслабиться?

Конечно, я мог обмануть ее. Сознание этой женщины было настолько беззащитно и податливо, а локальная синхронизация нейронов так очевидно слаба, что даже при моем тогдашнем ограниченном владении языком я мог бы сказать ей, что я в полном порядке, что ее это не касается и не будет ли она добра оставить меня в покое. Я уже разобрался, какой ритм и частота речи будут оптимальны. Но сдержался.

Не сбегай раньше срока. Не паникуй. Всему свое время.

Честно говоря, мне было жутковато. Сердце без видимых причин колотилось. Ладони вспотели. Что-то в этой комнате и ее пропорциях вкупе со столь частыми и близкими контактами с иррациональной формой жизни выводило меня из равновесия. Кажется, здесь вас непрерывно тестируют.

Если вы провалили один тест, вам дадут другой, чтобы понять почему. Наверное, люди так любят тесты, потому что верят в свободу воли.

Ха!

Я начинал понимать, что люди мнят себя хозяевами соб-

ственной жизни и потому носятся с вопросами и тестами, поскольку те дают ощущение превосходства над другими людьми, выбравшими неправильные ответы или недостаточно усердно искавшими правильные. А тех, кто провалит последний тест, поместят (как вскоре и меня) в психиатрическую лечебницу, где кормят отупляющими таблетками под названием диазепам и запирают в очередной комнате с прямыми углами. Только на этот раз мне вдобавок пришлось дышать едким хлороводородом, который применяют для уничтожения бактерий.

В той комнате я пришел к выводу, что моя задача будет простой. По своей сути, конечно. Поскольку я питаю к людям такое же безразличие, какое они – к одноклеточным организмам, *я мог на счет раз стереть их с лица Земли, и не только из соображений гигиены.* Однако я не понимал, что перед коварным, тысячеликим, недостижимым гигантом по имени Будущее я так же беззащитен, как и любой другой.

Сумасшедшие

Люди, как правило, не любят сумасшедших, если только те не умеют красиво рисовать. Хотя и тогда безумцев признают лишь посмертно. Впрочем, определение помешательства на Земле выглядит неясным и противоречивым. То, что считается абсолютно нормальным в одну эпоху, оказывается безумием в другую. Первобытные люди преспокойно ходили голыми. Некоторые, главным образом во влажных тропических лесах, разгуливают так и по сей день. Значит, мы должны заключить, что безумие – вопрос порой времени, а порой почтового кода.

Проще говоря, ключевое правило состоит в том, что если ты хочешь казаться нормальным на Земле, то должен жить в правильном месте, ходить в правильной одежде, говорить правильные слова и топтать только правильную траву.

Кубический корень из 912 673

Спустя некоторое время меня пришла проводить жена. Изабель Мартин собственной персоной. Автор «Темных веков». Я думал, что почувствую к ней отвращение, ибо тогда все упрощалось. Думал, что испугаюсь ее, и, разумеется, мне было страшно, поскольку весь ее вид нагонял ужас. В ту первую встречу я посчитал ее жуткой. Она страшила меня. Теперь меня все здесь страшило. С этим не поспоришь. Пребывание на Земле – это постоянный страх. Я боялся даже вида собственных рук. Но вернемся к Изабель. При первом взгляде на нее я не увидел ничего, кроме нескольких триллионов слабо организованных заурядных клеток. У нее было бледное лицо, усталые глаза и узкий, но все равно выступающий *нос*. В ней чувствовалось достоинство, благородство и самообладание. Ее облик в большей степени, чем у остальных, говорил о том, что она что-то скрывает. При одном взгляде на нее у меня пересохло во рту. Полагаю, данная конкретная представительница человечества так меня тревожила, потому что я якобы хорошо ее знал и должен был провести с ней большую часть времени, чтобы собрать необходимую информацию, прежде чем выполнить свою задачу.

Она пришла увидаться со мной под наблюдением санитар. Разумеется, это был очередной тест. Жизнь человека целиком состоит из тестов. Поэтому у людей вечно напряжен-

ный вид.

Я боялся, что Изабель обнимет меня, поцелует, подувет в ухо или выкинет еще какую-нибудь из людских штучек, о которых я прочел в журнале. Но нет. Похоже, ей даже ничего такого *не хотелось*. Ей хотелось сидеть и смотреть на меня, как будто я был кубическим корнем из 912 673 и она пыталась меня извлечь. И я в самом деле очень старался вести себя так же умиротворенно. Как нерушимое девяносто семь. Мое любимое простое число.

Изабель улыбнулась и кивнула санитару, но когда она села напротив меня, я заметил в ее лице несколько универсальных признаков страха: напряженные лицевые мышцы, расширенные зрачки, частое дыхание. Затем мое внимание привлекли волосы. Темные волосы Изабель росли из макушки и затылка головы и, чуть не доходя до плеч, резко обрывались, образуя прямую горизонтальную линию. Это называется «боб». Изабель сидела на стуле вытянувшись в струнку. Шея у нее была длинная, будто голова рассорилась с телом и больше не хотела иметь с ним ничего общего. Позже я узнал, что ей сорок один год и на этой планете ее внешность считается красивой или, по меньшей мере, *достаточно* красивой. Но в ту минуту я видел перед собой лишь очередное человеческое лицо. А из всех человеческих кодов лица оказались для меня самыми трудными.

Она сделала вдох.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не знаю. Я многого не помню. Мысли немного спутались, а сегодняшнее утро вообще в тумане. Послушай, кто-нибудь заходил ко мне в кабинет? Со вчерашнего дня?

Это ее смутило.

– Не знаю. Откуда мне знать? Вряд ли кто-то забредет туда на выходных. И потом, ключи только у тебя. Эндрю, пожалуйста, что произошло? Несчастный случай? Тебя проверяли на амнезию? Почему тебя не было дома? Объясни, чем ты занимался. Я проснулась, а тебя нет.

– Мне просто нужно было выйти. Вот и все. Побывать на воздухе.

Изабель разволновалась.

– Я не знала, что думать! Обошла весь дом, но тебя и след простыл. Машина на месте, велосипед тоже, трубку ты не берешь, а на дворе три часа утра, Эндрю. Три утра!

Я кивнул. Она ждала ответов, а у меня были только вопросы.

– Где наш сын? Гулливер? Почему он не с тобой?

При этих словах она еще больше смешалась.

– Он у моей мамы, – сказала Изабель. – Не стоит его сюда приводить. Он очень расстроен. Знаешь, на фоне всего остального это для него страшный удар.

В ее ответах не было нужной мне информации, и потому я решил действовать более прямолинейно.

– Ты знаешь, что я сделал вчера? Знаешь, чего достиг?

Я понимал, что вне зависимости от ее ответа факт остае-

ся фактом. Мне придется убить ее. Не здесь. Не сейчас. Но где-то и скоро. Тем не менее нужно было выяснить, что она знает. И что могла рассказать другим.

В этот момент санитар что-то записал.

Изабель проигнорировала мой вопрос и, наклонившись ближе, понизила голос:

– Они думают, что у тебя нервный срыв. Разумеется, вслух этого не говорят. Но думают. Мне задавали кучу вопросов. Точно у Великого инквизитора побывала.

– Здесь повсюду только они. Вопросы.

Я рискнул еще раз посмотреть ей в лицо и задал новую порцию вопросов:

– Зачем мы поженились? В чем состояла задача? И по каким правилам решалась?

Некоторые вопросы, даже здесь, на планете, которая для них создана, остаются неслышанными.

– Эндрю, я уже не первую неделю – не первый *месяц* – твержу, что надо притормозить. Ты надрываешься. У тебя невозможный режим. Ты в буквальном смысле сгораешь на работе. Я знала, что твоя психика не выдержит. И все равно это как снег на голову. Без предупреждения. Я просто хочу понять, что послужило спусковым крючком. Я? Что-то другое? Я так переживаю за тебя.

Я попытался найти приемлемое объяснение.

– Наверное, я просто забыл, насколько важно носить одежду. То есть насколько важно вести себя как принято. Не

знаю. Вероятно, я забыл, как быть человеком. Такое бывает, верно? Порой что-то выпадает из памяти?

Изабель взяла меня за руку. Гладкая подушечка ее большого пальца погладила мою кожу. От этого я еще сильнее занервничал. Интересно, зачем она ко мне прикасается? Полицейский хватает за руку, чтобы куда-то тебя забрать, но зачем жена гладит по руке мужа? Какова цель? Это как-то связано с любовью? Я смотрел на маленький мерцающий бриллиант в кольце Изабель.

– Все будет хорошо, Эндрю. Это лишь досадный эпизод. Обещаю. Скоро ты будешь как огурчик. Подождем.

– Под дождем? – Голос у меня дрогнул от ужаса.

Я попытался разгадать выражение лица Изабель, но это было трудно. Она уже не боялась, но что она испытывала? Печаль? Смушение? Злость? Разочарование?

Я хотел понять, но не мог. Она оставила меня, сказав напоследок еще сотню слов. Слова, слова, слова. Меня коротко поцеловали в щеку и обняли. Я старался не дергаться и не сжиматься всем телом, как бы мне ни хотелось. А потом Изабель отвернулась и вытерла жидкость, которая вытекла у нее из глаза. У меня было ощущение, что я должен что-то сказать, что-то почувствовать. Но я не знал, что именно.

– Я видел твою книгу, – проговорил я. – В магазине. Рядом с моей.

– Узнаю прежнего Эндрю, – сказала Изабель. Ее голос прозвучал мягко, но в тоне слышалась нотка презрения. Или

мне так показалось. – Эндрю, береги себя. Делай, как они говорят, и тогда поправишься. Все будет хорошо.

С этими словами она ушла.

Мертвые коровы

Мне сказали пойти в столовую и поесть. Это оказалось ужасно. Начать с того, что я впервые оказался в одном замкнутом пространстве с таким количеством представителей человеческой расы. А еще запах. Вареной моркови. Гороха. Мертвой коровы.

Корова – это обитающее на Земле одомашненное для многочисленных целей копытное животное, из которого получают еду, напитки, удобрения и дизайнерскую обувь. Люди выращивают коров на фермах, а потом режут им горло, разделывают тушу, раскладывают мясо по порциям, замораживают его, продают и готовят. Прodelывая все это, они, видимо, получают право переименовывать корову в говядину. Звучат эти слова очень по-разному: видимо, когда человек ест корову, меньше всего ему хочется думать об этом животном.

Судьба коров меня не волновала. Если бы мне поручили убить корову, я бы запросто это сделал. Но одно дело – безразличие к объекту, и совсем другое – желание его съесть. Так что я ел овощи. Точнее, один-единственный кусочек вареной моркови. Оказывается, ничто не вызывает такой острой тоски по дому, как противная незнакомая еда. Одного кусочка оказалось достаточно. Более чем достаточно. На самом деле мне пришлось призвать на помощь все силы и выдержку, чтобы подавить рвотный рефлекс и не вы-

пустить морковь обратно.

Я сидел один, за столиком в углу, рядом с высоким растением в горшке. У растения были широкие, блестящие, плоские сосудистые органы насыщенно-зеленого цвета, называемые листьями, выполняющими, по всей видимости, функцию фотосинтеза. Выглядело оно необычно, но не отталкивающе. Скорее даже привлекательно. Впервые я смотрел здесь на что-то и не чувствовал тревоги. Но потом я отвел взгляд от растения и повернулся в сторону шума и людей, явно из категории сумасшедших. Тех, кому не под силу жить по правилам этого мира. Я решил, что если и найду общий язык с одним из обитателей этой планеты, то скорее всего с кем-нибудь из этой комнаты. Стоило мне так подумать, как один из них подошел ко мне. Это была молодая особь женского пола с короткими розовыми волосами, закругленным кусочком серебра в носу (как будто эта область лица нуждается в дополнительном внимании), тонкими оранжево-розовыми шрамами на руках и тихим грудным голосом, который словно бы намекал, что каждая мысль в ее голове – страшная тайна. На девушке была футболка с надписью: «Все было прекрасно (и совсем не больно)». Ее звали Зои. Она сразу мне об этом сообщила.

Мир как воля и представление

А потом спросила:

– Новенький?

– Да, – сказал я.

– Дневной?

– Да. Я бодрствую в светлое время суток.

Она рассмеялась, и ее смех совсем не походил на ее голос.

От такого смеха хочется, чтобы перестал существовать воздух, по которому распространяются и достигают ушей эти безумные волны.

Успокоившись, она объяснила:

– Нет, я спрашиваю, вы здесь постоянно или приходите только на день? Как я? На добровольной основе.

– Не знаю, – сказал я. – Вряд ли я долго тут пробуду. Понимаете, я не сумасшедший. Я просто немного запутался. Столько всего в голове. Многого надо сделать. Столько дел завершить.

– Я вас где-то видела, – сказала Зои.

– Правда? Где же?

Я просканировал помещение. Здесь становилось неудобно. Семьдесят шесть пациентов и восемнадцать сотрудников. Абсолютно лишние зрители. Пора выбираться отсюда.

– Вас по телику не показывали?

– Не знаю.

Она усмехнулась.

– Возможно, мы друзья на Фейсбуке.

– Ага.

Зои почесала свое жуткое лицо. Мне стало интересно, что там под кожей. Вряд ли что-то более мерзкое. Тут ее глаза округлились от внезапного озарения.

– Нет. Я знаю. Я видела вас в универе... Вы ведь профессор Мартин! Легендарная личность! А я из Фицуильяма. Встречала вас в колледже. В нашей столовке кормят лучше, чем здесь, верно?

– Вы одна из моих студенток?

Зои снова рассмеялась.

– Нет-нет. С меня хватило школьной математики. Нудятина редкая.

Это меня разозлило.

– Нудятина? Разве можно так говорить о математике? Математика – это всё!

– Ну, мне виделось по-другому. В смысле Пифагор вроде парень что надо, но я в цифрах не сильна. Мне ближе философия. Вероятно, потому я сюда и попала. Передоз Шопенгауэра.

– Шопенгауэра?

– Он написал книгу «Мир как воля и представление». Мне задали по ней работу. Там, если в двух словах, про то, что мир – это то, что мы признаём по собственной воле. Людьми управляют их базовые желания, и это ведет к страданию и

боли, потому что желания заставляют нас хотеть получить что-то от мира, но мир есть не что иное, как представление. Поскольку эти желания формируют то, что мы видим, выходит, мы сами себя пожираем, пока не сходим с ума. И оказываемся здесь.

– Вам здесь нравится?

Зои снова рассмеялась, но я заметил, что от такого смеха она почему-то делается печальнее.

– Нет. Здесь водоворот. Он затягивает глубже и глубже. Из такого места хочется убраться куда подальше. Тут все *улетные*, поверьте.

Она стала показывать на разных людей в комнате и объяснять, что с ними не так. Начала она с гигантской краснолицей самки за ближайшим столиком.

– Это Толстуха Анна. Она крадет все подряд. Посмотрите, куда она сует вилку. Прямоком в рукав... О, а это Скотт. Считает себя третьим в очереди на престол... Сара – эта почти весь день абсолютно нормалек, но в три пятнадцать без всяких причин начинает орать. Наверное, крикун нападает... вон там Плакса Крис... а еще есть Бриджит-Непоседа, она носится туда-сюда со скоростью мысли...

– Со скоростью мысли, – повторил я. – Так медленно?

– ...и... Лиза-Подлиза... и Маятник Раджеш. О, а вон там, смотрите! Видите парня с баками? Высокий такой, в поднос бормочет?

– Да.

– Так вот, это полный Альдебаран.

– Что?

– В смысле совсем чокнутый – считает себя инопланетянином.

– Ну? – сказал я. – *Серьезно?*

– Ага. Сто процентов. В этой столовке только Вождя не хватает для полного гнезда кукушки.

Я понятия не имел, о чем она говорит. Зои посмотрела на мою тарелку.

– Не пошло?

– Нет, – сказал я. – Не думаю, что смогу это есть. – Потом, решив, что от Зои можно получить кое-какую информацию, спросил: – Если бы я сделал что-то, достиг чего-то выдающегося, как думаете, я бы многим об этом рассказал? То есть нам, людям, свойственно хвастаться, верно?

– Да, пожалуй.

Я кивнул. При мысли о том, сколько людей могут знать об открытии профессора Эндрю Мартина, накатила паника. Потом я решил расширить запрос. Чтобы вести себя как человек, необходимо понимать людей, поэтому я спросил о том, что казалось мне самым важным.

– Тогда как вы думаете, в чем смысл жизни? Вы нашли его?

– Ха! Смысл жизни. *Смысл жизни*. Его нет. Люди ищут смысл и абсолютные ценности в мире, который не только не способен их дать, но к тому же безразличен к их поиску. Это

не совсем Шопенгауэр. Скорее Кьеркегор в пересказе Камю. Я с ними согласна. Только беда в том, что если ты изучаешь философию и вдруг понимаешь, что смысла у жизни нет, то уже не обойтись без медицинской помощи.

– А любовь? В чем ее суть? Я читал о ней. В «Космополитен».

Опять смех.

– «Космополитен»? Шутите?

– Нет. Вовсе нет. Я хочу разобраться.

– Тут я вам точно не советчик. Видите ли, с этим у меня как раз проблемы. – Она понизила голос как минимум на две октавы и смерила меня мрачным взглядом. – Мне нравятся жестокие мужчины. Не знаю почему. Что-то мазохистское. Часто бываю в Питерборо. Там богатый выбор.

– О, – сказал я, убеждаясь, что меня не зря сюда послали. Так и есть: люди странные создания, обожающие насилие. – Значит, суть любви в том, чтобы найти человека, который сумеет причинить тебе боль?

– В общем и целом.

– Это абсурд.

– «В любви всегда есть немного безумия. Но и в безумии всегда есть немного разума». Так говорил... кто-то.

Повисло молчание. Мне захотелось уйти. Не зная этикета, я просто встал и ушел.

Зои хмыкнула и снова рассмеялась. Смех, как и безумие, похоже, единственная отдушина, защитная реакция у людей.

Исполненный оптимизма, я подошел к человеку, бубнившему в поднос, к предполагаемому инопланетянину. Мы немного поговорили. Я с большой надеждой спросил его, откуда он. Тот ответил, что с Татуина. Я впервые слышал о такой планете. Он пояснил, что его дом был рядом с Большой ямой Каркун, недалеко от дворца Джаббы. Он жил со Скайвокерами, на их ферме, но та сгорела.

— Насколько далеко ваша планета? Я имею в виду от Земли?

— Очень далеко.

— *Насколько далеко?*

— Пятьдесят тысяч миль, — ответил он, разбивая мои надежды и заставляя пожалеть, что я отвлекся от растения с сочными зелеными листьями.

Я посмотрел на этого человека. Еще минуту назад мне казалось, что я не один, но теперь я понял, что ошибся.

Так вот, размышляя я, уходя, что происходит, когда живешь на Земле. Ты ломаешься. Держишь реальность в руках, пока та не прожигает ладоней и не падает на пол. (Как раз когда я думал об этом, кто-то в комнате в самом деле выронил тарелку.) Да, теперь я понимал: быть человеком само по себе достаточно, чтобы сойти с ума. Я выглянул из огромного *прямоугольного* окна и увидел деревья и дома, машины и людей. Этот биологический вид явно не способен удержать новую тарелку, которую протянул ему Эндрю Мартин. Пора выбираться отсюда и выполнить свой долг. Я подумал об

Изабель, моей жене. Она обладает нужными мне знаниями. Надо было сразу пойти с ней.

– Что я здесь делаю?

Я подошел к окну, ожидая, что оно такое же, как на моей планете, Воннадории. Но нет. Оно оказалось из стекла. Минерального. И вместо того чтобы пройти сквозь окно, я впечатался в него носом, чем вызвал у других пациентов приступ хохота. Я вышел из столовой, желая поскорее избавиться от людей и запаха коровы и моркови.

Амнезия

Вести себя по-человечески – это, конечно, хорошо, но если Эндрю Мартин рассказал кому-то об открытии, нельзя больше сидеть сложа руки. Посмотрев на свою левую руку и вспомнив о дарах, которые она скрывала, я понял, что делать.

После обеда я подошел к санитару, который наблюдал, как мы разговаривали с Изабель. Я понизил голос до нужной частоты. Растянул слова до нужной скорости. Загипнотизировать человека просто, потому что люди, похоже, хотят *верить больше всех прочих видов, населяющих мироздание.*

– Я совершенно здоров. Позовите, пожалуйста, врача, который может меня выписать. Мне очень нужно вернуться домой, к жене и ребенку, и продолжить работу в колледже Фицуильям Кембриджского университета. Кроме того, мне ужасно не нравится здешняя еда. Я не знаю, что случилось этим утром, правда не знаю. Да, я опозорился на людях, но искренне уверяю вас, чем бы ни было вызвано это помрачение, оно прошло. Теперь я здоров и отлично себя чувствую. Санитар кивнул.

– Следуйте за мной, – сказал он.

Врач хотел, чтобы я прошел медицинское обследование. Сканирование мозга. Медиков беспокоило возможное повреждение коры полушарий, которое могло вызвать амне-

зию. Я понимал: что бы ни случилось, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы разглядывали мой мозг. Во всяком случае при активированных дарах. Поэтому я убедил врачей, что не страдаю амнезией. Придумал кучу воспоминаний. Целую жизнь.

Я сказал, что на меня сильно давит работа, и меня поняли. Потом врач снова стал меня расспрашивать. Однако, как это всегда бывает у людей, в его вопросах, подобно протонам в атомах, всегда содержались ответы. Мне оставалось только выявлять их и выдавать за собственные мысли.

Через полчаса диагноз был ясен. Я не потерял память. У меня просто случилось временное помрачение. Не одобряя термина «срыв», доктор сказал, что у меня наступило «нервное истощение» на фоне недосыпания, напряженной работы и диеты, состоящей, как он успел узнать от Изабель, по большей части из крепкого черного кофе – напитка, который, как я уже выяснил, мне ненавистен.

Затем врач дал мне кое-какие рекомендации и поинтересовался, не страдаю ли я приступами паники или хандры, не бывает ли у меня нервных припадков, резких перепадов настроения или ощущения нереальности происходящего.

– Нереальность? – тут я был в своей тарелке. – О да, ее я определенно ощущал. Но уже нет. Я в порядке. Чувствую себя очень реальным. Реальнее солнца.

Врач улыбнулся. Он сказал, что читал одну из моих книг по математике – якобы «нереально смешные» мемуары Энд-

рю Мартина, посвященные времени, когда тот преподавал в Принстонском университете. Эту книгу я уже видел. «Американский π -рог». Доктор выписал мне рецепт на диазепам и посоветовал двигаться «шаг за шагом», как будто существовал другой способ передвижения. А потом он взял самый примитивный образец телекоммуникационных технологий, какой я только видел, и сказал Изабель, что меня можно забирать домой.

Помни: во время миссии ты должен оставаться неуязвимым для вредоносного, тлетворного влияния людей.

Они спесивы, отличаются жестокостью и жадностью. Они захватили свою родную планету, единственно доступную им на данный момент, и последовательно ведут ее к разрушению. Они разделили своих сородичей на категории, но до сих пор не замечают, что факторов сходства гораздо больше, чем различий. Психология человека не успевает за развитием его технологий, и тем не менее люди гонятся за прогрессом ради прогресса, а также ради денег и славы, которых все они так жаждут.

Не попадайся в эту ловушку. Каждый раз, глядя на отдельно взятого человека, ты должен видеть его причастность к преступлениям всего человечества. За каждым улыбающимся лицом скрываются жестокости, на которые способны все люди и за которые все они отвечают, пусть и косвенно.

Нельзя смягчаться, нельзя падать духом перед лицом поставленной задачи.

Оставайся чистым.

Придерживайся логики.

Никому не позволяй нарушить математическую чёткость того, что надлежит сделать.

Кэмпиион-роу, 4

Комната была теплой.

В ней имелось окно, но с задернутыми шторами. Достаточно тонкие, чтобы пропускать электромагнитное излучение от единственного солнца, они не мешали мне все ясно видеть. Стены небесно-голубого цвета, свисающую с потолка лампу накаливания с цилиндрическим абажуром из бумаги. Я лежал в кровати – просторной квадратной кровати, рассчитанной на двух людей. Я проспал на ней больше трех часов и теперь проснулся.

Это была кровать профессора Эндрю Мартина на втором этаже его дома на Кэмпиион-роу, 4. Довольно большого дома по сравнению с другими строениями, которые я видел. Внутри стены были белыми. Внизу, в прихожей и на кухне, пол покрывала известняковая плитка. А поскольку известняк состоит из кальцита, то мой взгляд мог отдохнуть на чем-то привычном. Кухня, куда я спустился выпить воды, оказалась особенно теплой благодаря штуке, называемой печью. Данная печь состояла из железа и работала на газу, а на ее верхней плоскости имелось два постоянно горячих диска. Она называлась AGA. Цвет у нее был кремовый. На кухне и здесь, в спальне, повсюду были двери. У печи, у буфета, у платяного шкафа. Целые миры взаперти.

Спальню застилал бежевый ковер из шерсти. Это волосы

животных. На стене висел плакат с изображением двух человеческих голов, мужской и женской, очень близко друг к другу. На плакате были слова «Римские каникулы». И еще слова: «Грегори Пек», «Одри Хепбёрн» и «Парамаунт Пикчерз».

На деревянном кубовидном предмете мебели стояла фотография. Фотография – это, по существу, двухмерная неподвижная голограмма, рассчитанная только на зрительное восприятие. Фотография помещалась внутри стального прямоугольника. На ней были Эндрю и Изабель. Они выглядели моложе, кожа – сияющая и гладкая. Изабель казалась счастливой, потому что улыбалась, а улыбка у людей есть показатель счастья. Эндрю с Изабель стояли на траве. Она в белом платье. Похоже, такие платья специально надевают, когда хотят быть счастливыми.

Была и другая фотография. Изабель и Эндрю в каком-то жарком месте. Оба без одежды. Среди гигантских полуразрушенных каменных колонн под безоблачным синим небом. Наверное, это какое-то важное здание, оставшееся от человеческой цивилизации. (К слову, цивилизация на Земле возникает, когда группа людей сходится вместе и подавляет свои инстинкты.) Цивилизация эта, вероятно, зачахла или погибла. Эндрю с Изабель тут тоже улыбались, но по-другому, одними губами, глаза в улыбке не участвовали. Создавалось впечатление, что им не по себе, но я приписал это зною, обжигающему им кожу. На еще более поздней фото-

графии они находились в помещении. С ребенком. Маленьким. Мужского пола. Таким же, даже более темноволосым, чем мать, но с более бледной кожей. На нем был предмет одежды с надписью «Ковбой».

Изабель много времени проводила в комнате: либо спала рядом со мной, либо стояла рядом и наблюдала. Я старался не смотреть на нее.

Не хотел иметь к ней никакого касательства. Моей миссии не пойдет на пользу, если у меня к Изабель возникнет какая-то симпатия или хотя бы сочувствие. Впрочем, это было маловероятно. Сама ее инаковость меня неприятно будоражила. Эта женщина казалась мне бесконечно чуждой. Однако возникновение Вселенной тоже было маловероятным, и тем не менее она возникла.

Один раз я все-таки рискнул посмотреть Изабель в глаза и задать вопрос:

– Когда ты последний раз меня видела? То есть до этого всего. Вчера?

– За завтраком. А потом ты ушел на работу. Домой вернулся в одиннадцать. В половине двенадцатого лег в постель.

– Я тебе что-то говорил? Рассказывал что-нибудь?

– Ты произнес мое имя, но я сделала вид, что сплю. Вот и все. А когда я проснулась, тебя уже не было.

Я улыбнулся. Вероятно, от облегчения, но тогда я толком не понимал его причины.

Программа «Война и деньги»

Я смотрел аппарат «телевизор», который принесла для меня Изабель. Переноска далась ей нелегко. Телевизор – штука тяжелая. Думаю, она ждала от меня помощи. Ужасно неприятно наблюдать, как биологическая форма жизни тратит столько усилий. Я был смущен и недоумевал, почему она делает это для меня. Из чистого любопытства я попытался облегчить ее ношу, применив телекинез.

– А он легче, чем я ожидала, – сказала Изабель.

– О, – отозвался я, ловя на себе ее взгляд. – Ожидание – забавная штука.

– Ты ведь по-прежнему любишь смотреть новости, да?

Смотреть новости. Хорошая идея. Из новостей можно что-то почерпнуть.

– Да, – сказал я, – я хочу посмотреть новости.

Итак, я смотрел новости, а Изабель смотрела на меня, и нас обоих в одинаковой мере тревожило то, что мы видели. Новости изобиловали человеческими лицами, только поменьше и в основном показанными с большого расстояния.

За первый час просмотра я выявил три интересных факта.

1. Термин «новости» на Земле, как правило, означает «новости, непосредственно связанные с людьми».

Я буквально ни слова не услышал ни об антилопах, ни о морских коньках, ни о красноухих черепахах, ни об осталь-

ных девяти миллионах видов, живущих на планете.

2. Принцип очередности новостей мне непонятен. Например, ничего не говорится о результатах новых математических исследований, но зато много внимания уделяется политике, суть которой на этой планете сводится к войнам и деньгам. Войны и деньги настолько популярны, что новостям подошло бы название «Программа „Война и деньги“». Мне все правильно объяснили. Земля – планета насилия и жадности. В стране под названием Афганистан взорвалась бомба. В другой стране людей беспокоит ядерная мощь Северной Кореи. На так называемых фондовых биржах обвал. Это волнует множество людей, они смотрят на экраны с цифрами, словно видят там великое математическое открытие. О, и я тоже ждал, когда заговорят о гипотезе Римана, но так и не дождался. Возможных объяснений было два: либо никто ничего не знает, либо всем плевать. Теоретически оба варианта утешали, но я чувствовал себя безутешным.

3. Людей тем сильнее волнуют события, чем ближе они происходят. Южную Корею тревожит Северная Корея. Людей в Лондоне в основном беспокоит стоимость лондонской недвижимости. Похоже, людям все равно, если кто-то разгуливает голым по тропическому лесу, – лишь бы не рядом с их газоном. Их совершенно не занимает, что творится за пределами их планетной системы, как и события внутри нее, если только они не происходят прямо здесь, на Земле. (Правда, событий в Солнечной системе и впрямь маловато, чем до

некоторой степени объясняется людское высокомерие. Человечеству недостает конкурентов.) В целом людям интересно только то, что происходит в их стране. Предпочтительно в той части страны, которую они считают своей. Чем ближе, тем лучше. При такой постановке вопроса в идеальной программе новостей речь должна идти только о событиях в доме, в котором живет зритель. Такое вещание будет подразделяться на блоки, которые в зависимости от места в доме будут расставлены по приоритетам. Главная новость всегда будет о комнате, где находится телевизор, а главным в этой новости – тот поразительный факт, что его смотрит человек. Но пока человечество не проследило логику новостей вплоть до данного неизбежного вывода, лучшее, что у них есть, это местные новости. Так вот, в Кембридже главной новостью была история о человеке по имени Эндрю Мартин, которого ранним утром обнаружили разгуливающим голышом по территории Нью-корт колледжа «Корпус Кристи» Кембриджского университета.

Повторяющиеся репортажи об этом эпизоде также объясняли, почему с тех пор, как я появился в доме, телефон почти не умолкал и почему моя жена говорила о письмах, которые беспрестанно сыплются мне в почту.

– Я их футболю, – объясняла Изабель. – Говорю, что тебе сейчас не до разговоров и что ты еще слишком болен.

– О.

Она села на постель и снова погладила меня по руке. По коже побежали мурашки. Возникло желание прикончить Изабель здесь и сейчас. Но существует очередность действий, и ее необходимо соблюдать.

– За тебя все очень переживают.

– Кто? – спросил я.

– Ну, твой сын для начала. С Гулливером стало еще сложнее.

– У нас только один ребенок?

Ее веки медленно опустились; лицо сделалось воплощением напускного спокойствия.

– Ты же знаешь, что один. Правда не понимаю, как тебя выписали без сканирования мозга.

– Решили, что оно мне не нужно. Случай довольно простой.

Я попытался осилить немного еды, которую Изабель положила у кровати. Нечто под названием «бутерброд с сыром». Еще один продукт, за который люди должны благодарить коров. Невкусный, но съедобный.

– Зачем ты мне его сделала? – спросил я.

– Я забочусь о тебе, – ответила Изабель.

Минутное замешательство. Информация плохо поддавалась обработке. Но потом я понял, что людям в силу отсутствия у них сервисных технологий приходится прибегать к содействию друг друга.

– Но зачем это надо тебе?

Изабель рассмеялась.

– Это вечный вопрос нашего брака.

– Почему? – спросил я. – Разве у нас неудачный брак?

Она глубоко вдохнула, будто собираясь поднырнуть под мой вопрос.

– Ешь бутерброд, Эндрю.

Незнакомец

Я съел бутерброд. Потом пришла новая мысль.

– Это нормально? Иметь всего одного ребенка?

– Сейчас это, наверное, единственное, что нормально.

Она легонько почесала руку. Совсем чуть-чуть, но мне тут же вспомнилась Зои, та женская особь из психиатрической больницы, со шрамами на руках, жестокими парнями и головой, забитой философией.

Молчание затянулось. Прожив почти всю жизнь в одиночку, я не имел ничего против тишины, но эта тишина была какой-то другой. Ее хотелось нарушить.

– Спасибо, – сказал я. – За бутерброд. Он был вкусный. По крайней мере хлеб.

Если честно, не знаю, зачем я это сказал, ведь бутерброд мне не понравился. Тем не менее я впервые в жизни кого-то за что-то поблагодарил.

Изабель улыбнулась.

– Не привыкай, Император.

Она похлопала меня по груди и вдруг замерла. Я заметил, что ее брови сдвинулись, а лоб прорезала новая складка.

– Странно, – сказала она.

– Что?

– Твое сердце. Как странно. Будто почти не бьется.

Изабель убрала руку. В эту минуту она смотрела на му-

жа как на чужого. Что в принципе соответствовало действительности. Вместо него был Я. Изабель даже не представляла, насколько я для нее чужой. Она выглядела встревоженной, и какую-то часть меня это даже немного возмутило, хотя я прекрасно понимал, что в данный момент она наверняка испытывает именно страх.

– Мне нужно в супермаркет, – проговорила Изабель. – У нас пусто. Все закончилось.

– Верно, – отозвался я, раздумывая, стоит ли выпускать ее из дома. Пожалуй, придется. Необходимо действовать в определенной последовательности, и первая задача – проникнуть в колледж Фицуильяма, в кабинет профессора Эндрю Мартина. Если Изабель отправится в супермаркет, я тоже смогу уйти, не вызывая подозрений. – Хорошо, – сказал я.

– Но помни, ты должен оставаться в постели. Ладно? Просто лежи в кровати и смотри телевизор.

– Да, – отозвался я. – Разумеется. Буду лежать в кровати и смотреть телевизор.

Она кивнула, но ее лоб остался наморщенным. Она вышла из комнаты, потом из дома. Я встал с постели и стукнулся ногой о дверную раму. Больно. В самом ощущении, пожалуй, не было ничего странного. Но странно, что оно не проходило. Да, боль не сильная. В конце концов, я просто ударился. Но убрать эту боль не получалось. Точнее, не получалось до тех пор, пока я не вышел из комнаты на лестничную площадку. Тут она с подозрительной быстротой стихла. Озада-

ченный, я вернулся в спальню. Боль становилась тем острее, чем ближе я подходил к телевизору, в котором женщина говорила о погоде и делала прогнозы. Я выключил телевизор, и пальцы ноги моментально перестали ныть. Удивительно. Видимо, телесигнал мешает работе даров – устройств, спрятанных в моей левой руке.

Выходя из комнаты, я решил, что в критические моменты буду держаться подальше от телевизора.

Я спустился вниз. Там оказалось много комнат. На кухне в корзине спало какое-то существо. Оно имело четыре ноги, а все тело покрывала коричнево-белая шерсть. Это была собака. Самец. Когда я вошел в комнату, он остался лежать с закрытыми глазами, но зарычал.

Я искал компьютер, но на кухне его не нашел. Я направился в другое помещение, квадратное, расположенное в тыльной части дома, которое, как я вскоре узнал, называется гостиная. Впрочем, люди принимают гостей почти во всех комнатах. В гостиной обнаружился компьютер и радио. Сначала я включил радио. Какой-то мужчина говорил о фильмах другого мужчины по имени Вернер Херцог. Я стукнул кулаком по стене, и кулак заболел, но стоило выключить радио, как боль прекратилась. *Значит, не только телевизор.*

Компьютер оказался примитивным. На нем были слова «MacBook Pro» и клавиатура со множеством букв и цифр, а также стрелочек, указывающих в разные стороны. Метафора всей человеческой жизни.

Минута-другая, и я уже получил доступ. В письмах и документах по гипотезе Римана ничего не обнаружилось. Я подключил интернет – основной источник информации на планете. Новостей о доказательстве профессора Эндрю Мартина не было, зато я легко получил информацию о том, как добраться до колледжа Фицуильяма.

Запомнив данные, я взял самую большую связку ключей на тумбе в прихожей и вышел из дома.

Начало действий

*Большинство математиков охотно продадут
душу дьяволу за доказательство гипотезы Римана.
Маркус дю Сотой*

Женщина в телевизоре сказала, что дождя не будет, поэтому я поехал в колледж на велосипеде профессора Эндрю Мартина. Наступил вечер. Изабель, наверное, уже добралась до супермаркета, так что времени у меня оставалось немного.

Было воскресенье. Очевидно, это означало, что в колледже мне не встретится много людей, но я понимал: действовать надо осторожно. Хотя я знал, куда ехать, и управление велосипедом давалось мне относительно легко, я все же путался в дорожных правилах и пару раз чуть не угодил в аварию.

В конце концов я добрался до длинной, спокойной, обсаженной деревьями улицы под названием Сторизвэй и доехал по ней до самого колледжа. Прислонил велосипед к стене и зашагал к парадному входу в самое большое из трех зданий – просторное, в три этажа высотой, относительно современной земной архитектуры. При входе я встретил женщину с ведром и шваброй, мывшую деревянный пол.

– Здравствуйте, – сказала она. Похоже, она меня узнала, хотя нашей встрече явно не обрадовалась.

Я улыбнулся. (В больнице я выяснил, что первой нормальной реакцией на приветствие является улыбка. А не плевки.)

– Здравствуйте. Я здесь преподаю. Профессор Эндрю Мартин. Знаю, это звучит ужасно странно, но я попал в небольшую аварию – ничего серьезного, просто кратковременная потеря памяти. Одним словом, я взял паузу в работе, но мне необходимо попасть в кабинет. В мой кабинет. Дело сугубо личное. Вы случайно не знаете, где мой кабинет?

Пару секунд женщина меня разглядывала.

– Надеюсь, вы не сильно пострадали, – проговорила она. Ее надежда не показалась мне особенно искренней.

– Нет. Не сильно. Просто упал с велосипеда. Простите, но я несколько ограничен во времени.

– Вверх, прямо по коридору. Вторая дверь слева.

– Спасибо.

На лестнице мне встретилась другая женщина. Седая, лицо по человеческим меркам смышенное, на шее очки на шнурке.

– Эндрю! – сказала она. – Боже мой. Как ты? И что ты здесь делаешь? Я слышала, ты заболел.

Я внимательней к ней присмотрелся. Много ли она знает?

– Да, немного ударился головой. Но теперь уже все нормально. Честно. Не волнуйся. Меня осматривали, все в порядке. Я здоров как бык.

– О, – недоверчиво выдохнула она. – Понятно, понятно.

Тут я с легкой и необъяснимой тревогой задал главный

вопрос:

– Когда ты последний раз меня видела?

– Неделю назад, не меньше. Наверное, в прошлый четверг.

– И с тех пор мы больше не связывались? По телефону?

По электронной почте? Еще как-нибудь?

– Нет. Нет, а зачем? Ты меня заинтриговал.

– О, пустяки. Все из-за удара головой. Не могу собраться с мыслями.

– Ах, это ужасно. Уверен, что стоило сюда приезжать? Может, лучше было остаться дома, в постели?

– Да, пожалуй. Заберу кое-что и сразу домой.

– Хорошо. Надеюсь, ты скоро поправишься.

– О, спасибо!

– Пока.

Она пошла дальше, не догадываясь, что только что избежала верной смерти.

У меня были ключи, и я ими воспользовался. Зачем делать что-то откровенно подозрительное, если тебя могут увидеть?

И вот я оказался внутри его – *моего* – кабинета. Не знаю, чего я ждал. В этом-то и заключалась главная проблема: чего мне ожидать. У меня отсутствовала точка отсчета – незнакомым было все. Мне остро недоставало информации о предшествующем положении дел, по крайней мере здесь.

Итак: кабинет.

Статичный стул у статичного стола. Окно с опущенными

занавесками. Книги, заполняющие почти три стены. В горшке на подоконнике – растение с коричневыми листьями, более мелкое, чем то, которое я видел в больнице, и нуждающееся в поливе. На столе фотографии в рамках посреди кучи бумаг и невообразимых канцелярских принадлежностей. А в центре всего этого – компьютер.

Времени оставалось мало, поэтому я сел и включил его. Он ненамного превосходил тот, домашний.

Земные компьютеры еще не перешагнули доинтеллектуальной ступени своего развития и позволяли влезать в себя и вытаскивать все, что вздумается.

Я быстро нашел, что искал. Документ назывался «Дзета».

Открыв его, я увидел двадцать шесть страниц сплошных математических символов. Ну, или почти. Вначале шло короткое словесное вступление:

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ГИПОТЕЗЫ РИМАНА

Как известно, доказательство гипотезы Римана является важнейшей из нерешенных задач математики. Решить ее означало бы произвести революцию в применении математического анализа, открыть множество новых способов преобразования нашей жизни и жизни будущих поколений. Ведь не что иное, как математика, стоит у истоков цивилизации. Первым тому подтверждением служат архитектурные успехи создателей египетских пирамид, а также важные для

архитектуры астрономические наблюдения. С тех пор наше математическое развитие ушло вперед, но его поступь никогда не была ровной.

Подобно эволюции живых существ путь математики состоял из головокружительных взлетов и падений. Если бы Александрийскую библиотеку не сожгли дотла, вполне возможно, что мы полнее и быстрее развили бы достижения древних греков и уже во времена Кардано, Ньютона или Паскаля впервые отправили человека на Луну. Кто знает, чего бы мы достигли. И какие планеты терраформировали и колонизировали бы к началу двадцать первого века.

Каких высот достигла бы медицина. Не будь в нашей истории темных веков, этого блэкаута, мы, возможно, уже нашли бы способ не стареть и не умирать.

В наших кругах принято подшучивать над Пифагором и его мистическим учением, основанным на идеальной геометрии и других математических абстракциях. Но если вообще говорить о религии, то религия математики выглядит идеальной, ибо если Бог существует, то кто он, если не математик?

Сегодня, пожалуй, мы можем сказать, что поднялись чуть ближе к нашему божеству. В самом деле, у нас появился теоретический шанс повернуть время вспять, возродить ту древнюю библиотеку и встать на плечи великанов, которых не было.

Простые числа

Текст был до конца выдержан в том же восторженном духе. Я чуть больше узнал о Бернхарде Римане, болезненно застенчивом немецком вундеркинде, жившем в девятнадцатом веке. Мальчик в раннем возрасте проявил неординарные математические способности, потом была блестящая научная карьера и череда нервных срывов, омрачивших его зрелые годы. Позже я узнал, что это одна из ключевых проблем, преграждающих людям путь к числовому пониманию, — у них просто не выдерживает нервная система.

Простые числа сводят людей с ума в буквальном смысле слова, тем более что данная область полна загадок. Человек знает, что простое число есть целое число, которое делится только на единицу и на само себя, а дальше начинаются всевозможные проблемы.

Например, людям известно, что простых чисел столько же, сколько чисел вообще, ведь количество и тех и других бесконечно. Но этот факт не укладывается в человеческой голове, ведь понятно же, что всех чисел вместе должно быть больше, чем только одних простых. Так что некоторые люди после безуспешных попыток осмысления данного парадокса совали в рот пистолет, нажимали на спуск и вышибали себе мозг.

Люди также поняли кое-что насчет распределения про-

стых чисел. Тут как с воздухом на Земле: чем выше поднимаешься, тем их меньше. К примеру, в промежутке от 0 до 100 помещается 25 простых чисел, от 100 до 200 уже только 21 простое число, а от 1000 до 1100 всего 16. Однако в отличие от земного воздуха, как бы высоко мы ни вобрались по числовой оси, поблизости все равно окажутся простые числа. Например, 2097593 – простое число, и между ним и, скажем, 4314398832739895727932419750374600193 их найдутся еще миллионы.

Тем не менее человек искал закономерность в на первый взгляд произвольном порядке распределения простых чисел. Ясно, что их частота уменьшается, но почему? Человечество билось над этой задачей, сознавая, что, решив ее, оно сделает огромный шаг вперед, поскольку простые числа суть основа математики, а математика есть основа знания.

Люди постигли и другие явления. Атомы, например. У них есть машина под названием спектрометр, позволяющая им видеть атомы, из которых состоит молекула. Но они не понимали простых чисел так, как понимали атомы. И чувствовали, что не поймут, пока не разберутся, почему простые числа распределяются так, а не иначе.

И вот в 1859 году угасающий от тяжелой болезни Бернхард Риман представил Берлинской академии наук гипотезу, которой суждено было стать самой изучаемой и знаменитой в мировой математической науке. В его работе утверждалось, что закономерность *существует*, или по меньшей

мере она существует для первой сотни тысяч простых чисел. Формулировка была прекрасной, чистой и основывалась на так называемой дзета-функции – своего рода логической машине, сложного вида кривой, с помощью которой удобно исследовать свойства простых чисел. Подставляешь в нее числа, и те выстраиваются в порядок, которого раньше никто не замечал. Итак, закономерность. Простые числа распределяются не наобум.

Зал ахнул, когда Риман – в приступе невероятного волнения – объявил об этом своим элегантно одетым бородатым коллегам. Люди искренне поверили, что выходят на финишную прямую и еще при их жизни появится доказательство, работающее для *всех* простых чисел. Однако Риман только нащупал замок, но ключа не нашел, а вскоре после выступления умер от туберкулеза.

Чем больше проходило времени, тем отчаяннее велись поиски решения. Другие математические головоломки – такие как Великая теорема Ферма и гипотеза Пуанкаре – решились своим чередом; доказательство гипотезы давно почившего немца осталось последней и самой трудной задачей. Задачей, равносильной тому, чтобы увидеть атомы в молекулах или создать периодическую систему элементов. Задачей, которая в конечном итоге даст людям суперкомпьютеры, объяснит квантовую физику и сделает возможными межзвездные перемещения.

Разобравшись со всем этим, я проштудировал страницы

с цифрами, графиками и математическими символами. Для меня это был фактически новый язык, но только легче и правильнее устроенный по сравнению с тем, которым я овладел с помощью «Космополитена».

К концу изучения, пережив несколько моментов смертельного ужаса, я не находил себе места. Решительный знак бесконечности в конце не оставил ни малейших сомнений, что доказательство найдено и ключ в судьбоносном замке повернут.

Ни секунды не задумываясь, я удалил документ, ощущая короткий прилив гордости.

– Вот так, – сказал я себе. – Возможно, ты только что спас Вселенную.

Но, разумеется, ничто не может быть настолько просто, даже на Земле.

Момент смертельного ужаса

$$\xi(1/2+it)=[e^{\Re\log(r(s/2))}\pi^{-1/4}(-t^2-1/4)/2]x[e^{i\Im\log(r(s/2))}\pi^{-it/2}\zeta(1/2+it)]$$

Распределение простых чисел

Я просмотрел электронные письма Эндрю Мартина, особенно последнее в папке «Отправленные». В теме значилось: «153 года спустя...», а рядом стоял маленький красный восклицательный знак. Само послание было простым: «Я доказал гипотезу Римана, правда же? Не мог не сообщить тебе первому. Пожалуйста, Дэниел, посмотри на досуге. Сам понимаешь, другим этого видеть не надо. Пока доказательство не получило огласки. Что скажешь? Человечество уже никогда не будет прежним? Самая важная новость с 1905 года? См. прикрепленный файл».

Прикрепленным файлом был документ, который я только что прочел и удалил, поэтому я не стал тратить на него много времени. Вместо этого я занялся получателем: daniel.russell@cambridge.ac.uk.

Быстро выяснилось, что Дэниел Рассел занимает престижную должность – Лукасовского профессора математики в Кембриджском университете. Ему шестьдесят три года. Автор четырнадцати книг, почти все стали мировыми бестселлерами. Если верить Интернету, Дэниел Рассел успел поработать во всех англоговорящих университетах с пафосной репутацией – в том числе в Кембридже (где он преподает сейчас), Оксфорде, Гарварде, Принстонском и Йельском университетах – и снискал многочисленные награды и зва-

ния. Они с Эндрю Мартином написали немало совместных научных трудов, но, насколько я понял из своего короткого расследования, их связывали скорее рабочие, чем дружеские отношения.

Я посмотрел на часы. Минут через двадцать моя «жена» вернется домой и увидит, что меня нет. Чем меньше подозрений на данной стадии, тем лучше. В конце концов, существует последовательность действий. И ею необходимо руководствоваться.

Первое действие следовало завершить немедленно, поэтому я удалил письмо вместе с вложением. Потом на всякий случай быстренько сочинил вирус – да, не без помощи простых чисел, – чтобы на этом компьютере ничего не осталось в первозданном виде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.